

ПУШКИН В КАМЕНКЕ

С. Я. ГЕССЕН

...там, где ранее весна блестит
над Каменкой тенистой...

„Евгений Онегин“, глава X.

I

В историю заговора декабристов прочным и неотъемлемым звеном вошла Каменка, чигиринское поместье Давыдовых, расположенное в 35 верстах от Смелы и служившее одним из географических центров политической оппозиции в первой четверти XIX столетия.

Быть может, не менее значительное место занимает Каменка и в биографии Пушкина, который именно здесь острее, чем когда-либо, ощутил обок с собою тайну, проникнуть в которую ему никак не удавалось.

„Хоть Пушкин и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере“. Так авторитетнейший свидетель, кн. П. А. Вяземский, кратко определил сложнейшие отношения Пушкина и декабристов.¹ Согласно этому утверждению, именно в Каменке раскаленная атмосфера нараставшего заговора всего сильнее должна была повлиять на поэта, оказавшегося у самых дверей одного из штабов заговорщиков.

Каменка в те времена представляла собой большое поместье, далеко тянувшееся по возвышенным берегам Тясмина, местами спускаясь к самой реке, местами карабкаясь на скалистые, нависшие над рекой утесы. Большая проезжая дорога пересекала на-двое обширную и богатую дворянскую усадьбу, с внушительным „барским“ домом, флигелем для молодежи и гостей, роскошным садом, увеселительным гротом и ~~иными~~ созданными дворянских причуд.

Во главе обширной семьи, населявшей Каменку, стояла Екатерина Николаевна Давыдова, урожденная Самойлова, дочь генерал-прокурора Екатерины II, и племянница светлейшего князя Потемкина-Таврического. Знатная старуха, своеобразный осколок „екатерининского века“, она объединила в тесном родстве две замечательные семьи: Раевских и Давыдовых. По первому мужу — Раевская, Е. Н. Давыдова приходилась матерью знаменитому генералу 12-го года, Николаю Николаевичу Раевскому. От второго брака, с генерал-майором Львом Денисовичем Давыдовым, она имела сыновей Александра и Василия, хорошо известных, как и ее внуки, молодые Раевские по их короткой связи с Пушкиным.

Жизнь в Каменке катилась шумно, весело, широко и богато. П. И. Чайковский, со слов А. И. Давыдовой, вдовы декабриста, передавал, что „Каменка в то время была большим, великолепным барским имением с усадьбой на большую ногу; жили широко, по тогдашнему обычаю, с оркестром, певчими и т. д.“² Присутствие молодых привлекательных женщин, дочерей генерала Раевского, и жены А. Л. Давыдова, Аглаи Антоновны, урод. герцогини Грамон (тоже знакомых нам

¹ Старина и новизна, т. VIII, стр. 42.

² М. И. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского, т. II, стр. 639.

по пушкинскому творчеству), оказывало большое влияние на окрестную молодежь. „Эта женщина была весьма хорошенькая, ветреная и кокетливая, как истая француженка“ — говорит В. Л. Давыдов (сын поэта) об Аглае Давыдовой. — Она служила в Каменке магнитом, привлекающим к себе. От главнокомандующих до корнетов — все жило и ликовало в селе Каменке, но, главное, умирало у ног прелестной Аглаи.¹ Александр Львович Давыдов, генерал-майор в отставке, недаром заслужил у Пушкина звание „Фальстафа“ и толстого „Аристиппа“. Равнодушный к явлениям общественной жизни и политическим бурям, он был даже для тех времен исключительным гурманом и хлебосолом.² Жизнь в Каменке представляла собой сплошной и блестящий фейерверк празднеств, пиршеств и всевозможных увеселений.

Постороннему взгляду все это должно было представляться вполне естественным и закономерным. Грандиозные латифундиарные поместья Давыдовых, казалось, способными были обеспечить безумную расточительность каменских помещиков. В одной Каменке, принадлежавшей Е. Н. Давыдовой, числилось 822 души мужского пола. Ее богатые поместья рассеяны были и по всему Чигиринскому повету, и всего за ней считалось свыше 2 600 крепостных. В том же Чигиринском повете расположены были два крупных села, с населением в 785 крепостных, выделенные в собственность Александра Львовича.

Были за Давыдовыми поместья и в других губерниях: Рязанской и Московской. В Рузском уезде Московской губернии находилось поместье младшего брата, Василия Львовича, будущего декабриста, владевшего здесь 325 крепостными.

Напомним, что это было время нарастания того глубокого кризиса, который с особенной силой охватил русское дворянство в следующей, второй четверти XIX столетия. Немногие землевладельцы в своей производственной практике становились на почву буржуазного предпринимательства, осознавая необходимость приспособления к процессу капитализации хозяйства. Другие укрепляли свои дела казенными поставками и спекуляциями, щедро представлявшимися „попечительным“ правительством. Но огромная масса дворян-землевладельцев, не будучи в силах ни бороться с процессом капитализации, ни приспособиться к нему, ставились этим процессом на путь разорения. В тщетной надежде вырваться из этих тисков они систематически умножали свою задолженность, закладывая и перезакладывая земли и живой инвентарь и оставляя при этом в полной неприкосновенности организацию своих хозяйств. При этих условиях, понятно, никакие кредиты не могли их спасти.

К массе таких „обреченных“ принадлежали, повидимому, и Давыдовы. Мысль о необходимости во имя собственного спасения пуститься в открытое и неизведанное море предпринимательства, сколько известно, никогда не западала в сознание каменских помещиков. Крестьяне во всех их поместьях сидели на пашне, и земледелие было их единственным занятием. Имения Давыдовых были заложены и сверх того обременены партикулярными долгами. В 1824 г. мать и старший сын, один за другой, оказались вынужденными заложить значительную часть своих крестьян. Поскольку нет никаких сведений о предпринимательских замыслах Давыдовых, смысл этих залогов совершенно ясен. Следом за матерью и сестрой, 15 июля 1824 г., заложил и Василий Давыдов свои 325 душ в Петербургском опекуном совете. Интересно отметить, что эту операцию он проделал, повидимому, в то самое время, когда ездил в Петербург по делам

¹ „Русская старина“, 1872, т. V, стр. 632.

² См. Биографию А. Л. Давыдова, написанную Н. Советовым в „Сборнике биографий кавалергардов“, т. II, стр. 459—462.

Южного тайного общества, одной из основных своих задач ставившего ликвидацию крепостных отношений. И надо полагать, что только самые крайние обстоятельства могли побудить Василия Давыдова к сочетанию поручений Пестеля с этим ярко выраженным феодально-крепостническим актом.

II

Кульминационной точкой каменских развлечений ежегодно являлись именины хозяйки, Анны Ивановны Давыдовой, 24 ноября. К этому дню в Каменку съезжалось множество гостей. И тогда каждый из двух братьев занимал в пестрой толпе гостей совершенно определенное место. „Фальстаф“ Александр Львович служил неисчерпаемым источником гастрономических вдохновений, а Василий Львович центром тех „демагогических споров“, о которых восторженно отзывался Пушкин в письме к Н. И. Гнедичу.¹

Политическая биография В. Л. Давыдова изучена очень слабо и, вернее сказать, вовсе не изучена. Герой „Отечественной“ войны, адъютант Багратиона дважды раненый, под Кульмом и под Лейпцигом, он в 1816 г., имея от роду 24 года, был уже подполковником, а в 1820 г. вышел в отставку с полковничьими эполетами. В том же 1820 г. Василий Давыдов вступил в Союз благоденствия.

Союз благоденствия возник осенью 1818 г. на развалинах „Союза спасения“, первого тайного общества декабристов, разрушенного внутренними тактическими разногласиями. Занятый по преимуществу культуртрегерской, просветительной работой, Союз существовал почти открыто, питаясь надеждами на мирное обновление. Но реальные условия делали такую организацию беспочвенной. Заговорщики оказывались перед фактом очевидного роста массового движения, выражавшегося в крестьянских бунтах, в первых проявлениях рабочего движения, в восстаниях военных поселян и особенно отчетливо сказывавшегося в армии. Не меньшее влияние оказывало на будущих декабристов углубление экономического кризиса, и наконец, рост правительственной реакции, решительно вытравлявшей малейшие проявления оппозиции. Всеми этими факторами предопределилась окончательная дифференциация в среде заговорщиков, из которых в одной части возобладали оппортунистические тенденции, тогда как другая все глубже проникалась революционными настроениями.

В это самое время, когда тайное общество находилось на ущербе, Давыдов пришел в его ряды и едва ли успел на первых порах, в условиях распада чем-либо себя проявить. Но интересно отметить, что революционная биография Давыдова, которого предатель, капитан Майборода, относил к старейшим членам,² идет от кишиневской ячейки М. Ф. Орлова. Если верить памяти И. Д. Якушкина, Давыдов принят был в тайное общество штабс-ротмистром К. А. Охотниковым,³ т. е. одним из ближайших сподвижников Орлова и В. Ф. Раевского по их работе в солдатских массах. Одним из первых примкнув к вновь организованному Южному обществу и вместе с кн. С. Г. Волконским возглавив затем „левую“ Каменскую управу, Давыдов, в разрешении всех социальнополитических проблем неуклонно придерживался линии Пестеля. Насколько он был искренен, — вопрос другой. И в этом отношении чрезвычайно интересно показание Никиты Муравьева о его беседе в 1824 году с Давыдовым, когда этот последний приехал в Петербург в качестве делегата Пестеля. „Первый вопрос его был об увольнении крестьян, — показывал Муравьев. — Я объяснил ему мое мнение на сей счет. „У нас положено

¹ См. ниже, стр. 203.

² Восстание декабристов (ВД), IV, 10.

³ ВД, III, 55.

иначе", сказал он мне. Я стал разбирать их постановление о том и делать на оное возражения. Выслушав их, он мне отвечал: „Вы судите справедливо, я сам этого мнения, но у нас так положено и этого переменить нельзя“.¹

Хорошо зная взгляды и Никиты Муравьева и Пестеля, мы легко можем поверить тому, что точка зрения первого, отражавшая интересы среднепоместного дворянства, была Давыдову несравненно ближе, нежели якобинская теория Пестеля.¹

Известен портрет Давыдова, на котором он изображен в костюме украинского парубка. Это изображение совершенно согласуется со свидетельством современника о том, что Давыдов „шеголял каким-то особым приемом простолюдина“, плохо вязавшимися, вероятно, с присущими ему чертами. Декабрист Н. И. Лорер, близко знавший Давыдова, вспоминал, что „он был представителем тогдашнего *сomme il faut*, богат, образован, начитан, весь век свой провел в высшем обществе“...²

Таким образом, перед нами типичный „либералист“ начала XIX века, действительный республиканизм и политический радикализм которого оказывались в непримиримом противоречии с социальными инстинктами рафинированного аристократа, остававшимся совершенно чуждыми и, по существу, враждебными социальным воззрениям Пестеля.

III

После организации Южного общества Каменка превратилась в один из штабов заговора. Обыкновенно всякий год после киевских контрактов вожди Южного общества собирались под гостеприимный кров Каменки, обстановка которой как нельзя лучше удовлетворяла требованиям конспирации. Маскируясь участием в каменных развлечениях, заговорщики обсуждали там узловые вопросы их заговорщицкой деятельности. Так, в октябре 1823 г. на совещании в Каменке решен был в положительном смысле вопрос об истреблении всей царской фамилии. В совещании этом участвовали Пестель, Давыдов, Волконский, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин.³ В следующем, 1824 году в Каменке обсуждался план Бобруйского восстания, которое должно было начаться убийством Александра I.

Но совещания заговорщиков происходили в Каменке, повидимому, и прежде того. По крайней мере, нам известно, что в ноябре 1820 г. в Каменке, у Василия Давыдова, съехались М. Ф. Орлов, К. А. Охотников, И. Д. Якушкин, направлявшийся в Москву на съезд членов Союза Благоденствия. Орлов, сватавшийся к старшей дочери Н. Н. Раевского, Екатерине Николаевне, был своим человеком в Каменке. Охотников тоже должен был коротко знать ее обитателем судя по тому, что, как мы уже знаем, именно он привлек В. Л. Давыдова в тайное общество. Один Якушкин был в Каменке новым человеком. В это время как раз назревал конфликт Орлова с тайным обществом, послуживший материалом для суждений на Московском съезде.⁵ Он упорно уклонялся от участия в съезде. И только надежда склонить его на досуге к поездке в Москву побудила Якушкина поехать в незнакому ему Каменку.

Совершенно очевидно, таким образом, что вопросы, связанные с тайным обществом, должны были играть доминирующую роль в Каменке, где встретились несколько влиятельных заговорщиков. И это тем более бесспорно, что встретилось они в самый канун решающих событий в истории заговора. Тот кризис тайного

¹ ВД, I, 325.

² Н. И. Лорер. Записки декабриста, М. 1931, стр. 72.

³ ВД, IV, 175, 178—179

⁴ Там же стр. 148

⁵ Подробно см.: С. Чернов. К истории политических столкновений на московском съезде. Саратов 1925.

общества, о котором мы говорили выше, разрешился именно Московским съездом, на котором одержало верх решение перейти к строительству новых, строго конспиративных ячеек, причем, с целью освобождения от ненадежных членов, прокламировано было закрытие Союза.

„Приехав в Каменку, я полагаю, что никого там не знаю, — вспоминает Якушкин, — и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А. С. Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями. Я познакомился с ним в последнюю мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие“.¹

В 1820 г. Пушкин впервые побывал в Каменке. Приехал он туда в середине ноября и оставался там до первых чисел марта 1821 года, только однажды, в январе или в первой половине февраля, съездив в Киев. Орлов, Охотников и Якушкин, по свидетельству последнего, приехали в Каменку перед самым 24 ноября и оставались там около недели. 4 декабря, судя по письму Пушкина к Н. И. Гнедичу (о котором мы еще будем говорить), их уже не было в Каменке.²

Таковы хрон логические вехи этой знаменательной встречи Пушкина с заговорщиками, — знаменательной, говорим мы, потому, что именно с этой встречей, с этими несколькими днями, проведенными поэтом в Каменке в обществе заговорщиков, связывается популярнейший в пушкинской литературе рассказ И. Д. Якушкина о мнимом принятии Пушкина в тайное общество.

„Все вечера мы проводили на половине у Василья Львовича, и вечерние беседы наши для всех нас были очень занимательны, — пишет Якушкин. — Раевский [Александр] не принадлежал к тайному обществу, но, подозревая его существование, смотрел с напряженным любопытством на все происходящее вокруг него. Он не верил, чтобы я случайно заехал в Каменку, и ему очень хотелось знать причину моего прибытия. В последний вечер Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к тайному обществу или нет. Для большего порядка при наших прениях был выбран президентом Раевский. С полушутливым и с полужаважным видом он управлял общим разговором. Когда начинали очень шуметь, он звонил в колокольчик; никто не имел права говорить, не спросив у него на то дозволения, и т. д. В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке, после многих рассуждений о разных предметах, Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учреждение тайного общества в России? Сам он высказал все, что можно было бы сказать за и против тайного общества. В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, какую бы могло принести тайное общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование тайного общества, которое могло бы быть хоть насколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой; в ответ на его выходку я ему сказал: „Мне не трудно доказать вам что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало тайное общество, вы наверно к нему не присоединились бы?“ — „Напротив, наверно бы присоединился“, отвечал он. — „В таком случае давайте руку“, — сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: „Разумеется, все это только одна шутка“. Другие также смеялись, кроме А. Л., рогоносца величавого, который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим

¹ Записки И. Д. Якушкина, М. 1925, стр. 50.

² Пушкин. Письма, I, 14.

уверился, что тайное общество или существует, или тут же, получит свое начало, и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал раскрасневшись и сказал со слезой на глазах: „Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка“. В эту минуту он был точно прекрасен¹.

Таков рассказ Якушкина, обошелший едва ли не все исследования, посвященные проблеме взаимоотношений Пушкина и декабристов. Оно и не удивительно: рассказ этот таит в себе неисчерпаемые соблазны и возможности для сторонников разных и даже противоборствующих концепций.

Не так давно мне уже случилось указывать на необходимость подвергнуть справедливость этого рассказа основательной ревизии.² Задача эта осложняется, чрезвычайной бедностью документального материала, относящегося к первому пребыванию Пушкина в Каменке. Можно было бы даже, не обращаясь к документам, априорно заключить, что на следствии участники этого собрания (а их оставалось всего трое, ибо Охотников умер от чахотки за два года до восстания) ни словом, ни намеком не обмолвились о каменских происшествиях в ноябре 1820 года. Малейшее упоминание оказалось бы, наверное, роковым для Пушкина и уж во всяком случае, конечно, нашло бы отражение в следственных производствах 1827 г. (по делу о стихах „Андрей Шеньев“) и 1828 г. (о „Гаврилиаде“), когда Пушкин сам являлся центральной фигурой политических процессов³.

Действительно, следственные дела и Якушкина, и Орлова, и Василия Давыдова ни в одной строчке не воскрешают ноябрьские события в Каменке. Позднейший рассказ Якушкина, отдаленный от описываемых событий тремя десятилетиями, таким образом, не может быть ни подтвержден, ни опровергнут документальными данными. Однако это еще не лишает нас возможности путем догадок, сопоставления фактов и учета косвенных свидетельств прийти к отчетливому заключению о степени достоверности рассказа Якушкина.

IV

Прежде всего — о достоверности воспоминаний Якушкина вообще. Не говоря о случайных мемуарных высказываниях Якушкина по отдельным частным вопросам, нам известны два его крупных мемуарных произведения: упомянутые „Записки“ и очерк „Четырнадцатое декабря“. Обоим этим памятникам свойственна одна общая отличительная черта: вопреки видимой объективности повествования, Якушкин был далек от прагматического описания исторических событий. Умеренный либерализм автора сообщил его изложению тон обреченности. Восстание декабристов, в интерпретации Якушкина, не имело ни малейших шансов на успех, как и породивший его преждевременно возникший заговор.

Однако же совершенно бесспорно, что для оправдания этой своей предвзятой точки зрения Якушкин отнюдь не прибегал к извращению действительности. Все зависело только от освещения совершенно конкретных фактов. Записки его, написанные частью им самим, частью записанные под диктовку его сыновьями, вызвали самую восторженную оценку у его старых товарищей по заговору. Декабрист Свистунов относил их к числу „драгоценных документов“, „неподдельность

¹ Записки И. Д. Якушкина, стр. 52—53.

² Сергей Гессен. Источники десятой главы „Евгения Онегина“. „Декабристы и их время“, т. II, М. 1932, стр. 140.

³ Следует учесть и то обстоятельство, что следователи намеренно затушевывали факты, связывавшиеся с М. Ф. Орловым, которого необходимо было выродить.

и правдивость которых подтверждается теми из современников, которые по близкому знакомству с изложенными фактами способны оценить добросовестность и непогрешимость рассказа".¹

Еще интереснее для нас отзыв М. А. Бестужева. Критическое отношение Якушкина к событиям 1820-х годов должно было быть воспринято Бестужевым как измена. И тем не менее, вопреки известной своей непримиримости к малейшему ренегатству товарищей, Бестужев еще в 1869 г. в письме к М. И. Семевскому засвидетельствовал, что „по краткости, ясности и правдивости — это лучшие из всех записок наших товарищей“.²

Отзывы эти совершенно согласуются с результатами источниковедческого анализа „Записок“ И. Д. Якушкина, проделанного С. Н. Черновым, который пришел к выводу о большой исторической точности и правдивости мемуариста.³

V

Итак, „Записки“ Якушкина сами по себе располагают к доверию. Остается теперь попытаться найти хотя бы косвенные подтверждения достоверности изложенного им факта в биографии Пушкина, в его взаимоотношениях с будущими декабристами, в его творчестве.

Пушкин попал в среду заговорщиков сразу по окончании Лицея. Дома братьев Тургеневых и Муравьевых, где он стал постоянным гостем, служили своего рода сборными пунктами петербургских заговорщиков. Его ближайший друг И. И. Пущин вступил в Союз благоденствия прямо со школьной скамьи. Поэт часто встречался с руководителями Союза благоденствия: Никитой Муравьевым, Луниным, кн. С. П. Трубецким (сочленом его по „Зеленой лампе“). Он был свидетелем попытки М. Ф. Орлова, Н. И. Тургенева и Н. М. Муравьева превратить „Арзамас“ в филиал Союза благоденствия, путем создания при нем серьезного политического журнала. Попытка не удалась, но вслед за тем Николай Тургенев задумал основать общественно-политический журнал в качестве органа умеренного крыла будущих декабристов. В число сотрудников приглашен был и юный Пушкин.

К этому моменту относится первая известная нам попытка Пушкина раскрыть подозреваемую им тайну и вступить в политический заговор, в осуществлении которого он уже тогда был уверен. Встретив у Тургенева на редакционном собрании Пущина, Пушкин отвед его в сторону и засыпал вопросами: „Ты что здесь делаешь? Наконец поймал тебя на самом деле... Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно это ваше общество в сборе?.. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный, друг, это ни на что не похоже!“⁴

„Записки“ Пущина являются источником надежнейшим и непогрешимым. Свидетельству его нельзя не верить. Оно и вполне совпадает с тогдашними настроениями поэта, творчество которого играло огромную идеологическую

¹ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ, т. II, стр. 263.

² Там же, стр. 234. К этому времени были уже опубликованы мемуары: Н. И. Тургенева (1845), М. А. Фонвизина (1860), Е. П. Оболенского (1861), С. П. Трубецкого (1863), Ф. Ф. Валковского (Белая Церковь, 1863), Н. В. Басаргина (1868), А. Е. Розена (1869).

³ Результаты исследования С. Н. Чернова еще не опубликованы, и только отдельные фрагменты этой работы вошли в его „Отчет о командировке в Москву летом 1924 г.“ (Саратов 1925) и в статьи: „Несколько справок о Союзе благоденствия перед Московским съездом 1821 г.“ („Ученые записки Саратовского унив-та“, 1924, т. II, вып. II) и „К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.“, Саратов, 1925.

⁴ И. И. Пущин, Записки о Пушкине и письма, М.-Л. 1927, стр. 77.

и организующую роль в движении декабристов. Все это настолько хорошо известно, что нет нужды сейчас снова распространяться на эту тему. Однако же совсем не лишне познакомиться с вновь обнаруженным свидетельством декабриста Д. И. Завалишина об отношении Пушкина к декабристам, любопытным своей крайней точкой зрения.

„Пушкин не мог не сознавать, что было бы с его стороны вполне бесчестным уклоняться от действий, которые сам же всячески возбуждал, и от ответственности за оные. Можно наверно сказать, что по крайней мере 9/10, если не 99/100 тогдашней молодежи первые понятия о безверии, кощунстве и крайнем приложении принципа, что „цель оправдывает средства“, т. е. крайних революционных мерах, получили из его стихов. Самое достоинство стиха, легко удерживаемого в памяти, содействовало распространению кощунственных и революционных идей; если не все прилагали их к делу, то все-таки знакомы были с ними по Пушкину. Мы знали впоследствии некоторых весьма пожилых людей и в высоком уже звании, которые по доброй ли воле, или по случайным обстоятельствам не были причастны к кощунству и к революционным мерам, а между тем твердо помнили наизусть все стихотворения Пушкина, запечатленные этим направлением. А в наше время едва ли был какой взрослый воспитанник, который не списывал и не выучивал наизусть этих стихотворений. Пушкин очень хорошо знал, к чему он возбуждал, и знал, что возбуждаемые им стремятся от слов перейти к действию. Как же мог он отказаться от него? Напротив, он всеми силами добивался быть принятым в тайное общество, но его заповедано было не принимать, зная крайнюю его изменчивость. Чем ближе кто его знал, тем более был уверен в этом крайнем его недостатке, имея множество фактов быстрых его переходов от одной крайности к другой, и законное основание не доверять ему уже из одного его тщеславного стремления проникнуть в великосветский и придворный круг, чтобы сделаться там „своим“ человеком.“¹

Итак, по Завалишину, Пушкин всячески стремился стать в ряды заговорщиков, которых отлучивали видимые проявления его легкомыслия и приверженности к „высшему свету“. В декабристской мемуарной литературе это была довольно популярная версия. И. И. Горбачевский даже утверждал, что заговорщикам „от Верховной думы было запрещено знакомиться с поэтом Александром Пушкиным, когда он жил на юге“. Это подтвердил и М. А. Бестужев.² Хотя свидетельства их опровергаются уже одним тем, что в бытность Пушкина на юге оба они не были еще членами тайных обществ, но все эти показания тем не менее весьма характерны для отношения к Пушкину известной части заговорщиков. В мемуарах их Пушкин запечатлевался не таким, каким они воспринимали его в 1820-х гг., а подновленным, прошедшим сквозь призму их идеологического роста. Поэтому недостаточно убедительно свидетельство даже Пущина, рассказывающего о том, как он однажды отправился к Пушкину с твердым намерением открыть ему тайну существования заговора и предложить вступить в тайное общество, но по дороге встретил отца поэта, рассказавшего ему о какой-то новой легкомысленной выходке Пушкина, и, поразмыслив, Пущин печально побрел во-свояси.³

В тайных обществах не мало было людей, могущих поспорить в легкомыслии с Пушкиным, и их не только никто не боялся, а, напротив, иной раз им доверяли

¹ Д. И. Завалишин. Пребывание декабристов в тюремном заключении в казематах в Чите и в Петровском заводе (рукопись) п. 39. Ср. с моей публикацией („Декабрист Завалишин о Пушкине“) в „Литературном Ленинграде“, от 14. XII 1934

² Записки декабриста. И. И. Горбачевского, М. 1925, стр. 59.

³ И. И. Пущин, назв. соч., стр. 78.

даже ответственные поручения, как, например, „другу Марса, Вакха и Венеры“ — Лунину. Заговорщики, видимо, отлично усвоили формулу Пушкина же о том, что „дружно можно жить с Киферой, с портиком и с книгой, и с бокалом, что ум высокий можно скрыть безумной шалости под легким покрывалом“. Поведение Пушкина едва ли могло служить серьезным препятствием к принятию его в тайное общество.

Надо учесть и то обстоятельство, что отнюдь не всем заговорщикам свойственен был строго взвешенный и продуманный выбор новых прозелитов общества. В иных случаях достаточным оказывалось произнесение случайной радикальной фразы, чтобы автор подвергался атаке членов тайного общества. Вербовка заговорщиков поставлена была весьма широко. А украшение заговора уже тогда чрезвычайно популярным именем поэта, да еще поэта революционного — многим должно было показаться соблазнительным.

Существовала и другая не менее популярная версия. „Известно, — пишет тот же Завалишин, — что одни полагали, что Пушкина потому не хотели принимать в тайное общество, что желали сохранить его талант. Но... для современников Пушкина он был вовсе не то, что для последующих поколений. Для сверстников его, даже для тех, которые лично и близко знали его, он был популярен своими революционными кошунственными стихотворениями... Те произведения Пушкина, которые впоследствии более всего составили ему славу, тогда еще не существовали“.¹

Полемический азарт поставил самого же Завалишина в неловкое положение, обнаружив, по меньшей мере, близорукость мемуариста. О популярности Пушкина уже в начале 1820-х годов нет нужды распространяться. Однако вряд ли и это соображение может исчерпать мотивы отстранения Пушкина от тайного общества. Литературная популярность, к примеру, Рылеева была в те времена тоже очень велика, однако это не остановило заговорщиков от увлечения его на опасный путь революционной борьбы.

Правда, многие современники уже тогда провидели гениальность Пушкина, но едва ли можно предположить, что все его знакомцы из тайного общества одинаково хорошо сознавали, что перед ними гений, который необходимо беречь. Приведенный выше рассказ Пущина, ближайшего друга и восторженного поклонника Пушкина, о его решении принять поэта в тайное общество, служит лучшим опровержением этой версии.

VI

Чем бы ни руководствовались будущие декабристы сознательно отстраняя Пушкина от участия в тайном обществе — сомнениями ли в пригодности его к роли заговорщика, либо нежеланием подвергать жизнь поэта опасностям политической борьбы, — так или иначе, совершенно очевидно, что Пушкин не мог вынести никаких конкретных представлений из своих встреч с петербургскими заговорщиками, хотя в существовании политического заговора он вряд ли сколько-нибудь сомневался. Если б и не было у Пушкина достаточных оснований подозревать заговор, все равно этот заговор должен был существовать, хотя бы в одном его воображении. Ибо Пушкин рос и воспитывался под влиянием тех же жизненных впечатлений, той же идеологической среды, которые толкнули его петербургских друзей и товарищей на путь создания тайного общества. И те вопросы, которые легли в основу организации тайного общества, начиная с центральных вопросов

¹ Д. И. Завалишин, цит. рукопись, л. 39 об.

ликвидации крепостного строя и самодержавия, в это время уже были разрешены Пушкиным в художественных образах „Деревни“ и „Вольности“.

С такими настроениями Пушкин 6 мая 1820 г. отправился в ссылку. Внезапное превращение его в политического изгнанника, в свою очередь, должно было провести новую черту в его сознании. Затем — памятное в биографии Пушкина путешествие по Кавказу и Крыму, в обществе фрондирующего Раевского. И 21 сентября — приезд в Кишинев.

В 1820 г. Кишинев представлял собой еще подлинную Азию. Бессарабия еще в значительной мере сохраняла свою специфическую культуру. Области преоставлено было самоуправление: в Кишеневе заседал Верховный совет из „природных“ бояр и существовала выборная местная администрация. Бесконтрольное хозяйничанье местных бояр весьма тяжело отзывалось на бессарабском крестьянстве, которое, еще с 1749 г. приобретает личную свободу, в силу сложившихся социально-экономических условий, осталась в полной экономической кабале у крупных землевладельцев — бояр.

Отношения помещиков и крестьян регулировались архаическими местными обычаями и законами, подтвержденными Положением об управлении Бессарабии 1818 г., вопреки номинальной крестьянской вольности. Бессарабский крестьянин, живший на земле помещика, обязывался в его пользу отбывать барщину 12 дней в году, отдавать 10-ю часть всех своих доходов помещику же, а казне платить сперва натуральные, а потом денежные повинности, обязан был безвозмездно чинить дороги, мосты и пр.

Всем этим определялся подлинно-каторжный строй крестьянского быта, так что даже в одном правительственном документе сказано было, что „в Молдавии действовало одно только безбожное и бесчеловечное право сильного, для бояр выгоднейшее“.

Таким образом, в Бессарабии автор „Деревни“ мог почерпнуть богатый и красочный материал для нового выпада против крепостного бесправия. Но и помимо того, на первых же порах Кишинев напитал Пушкина большим запасом свежих впечатлений. Вскоре по приезде он познакомился с братьями Ипсиланти, из которых Александр уже тогда был главою тайного греческого общества, созданного с целью завоевания свободы Греции. Это было менее нежели за полгода перед тем, как Александр Ипсиланти с братьями и кн. Георгием Кантакузеном перешел Прут и поднял знамя восстания. Когда Пушкин приехал в Кишинев, город был переполнен греческими патриотами, и здесь же действовал революционный комитет гетеристов. Известно, с каким глубоким и живым интересом Пушкин позднее следил за греческими событиями. Очевидно, интерес тот зародился именно в Кишеневе.

Кишинев вместе с тем являлся центром бессарабской ячейки Союза благоденствия, возглавлявшейся М. Ф. Орловым, ближайшими соратниками которого были „первый декабрист“ В. Ф. Раевский, И. П. Липранди, К. А. Охотников. Бессарабская ячейка развернула систематическую пропаганду в солдатских массах, используя для сего существовавшие на местах стоянок отдельных воинских частей Ланкастерские школы взаимного обучения.¹ Вместе с тем заговорщики распространяли революционные идеи и среди офицерства, и среди местного чиновничества. По выражению П. Е. Щеголева, в Кишеневе „пропаганда оппозиционных идей шла

¹ Подробно см. Ю. Г. Оксман. Из писем и записок декабриста В. Ф. Раевского. „Красный Архив“, т. XIII, 297—314; Сергей Гессен. Солдатские волнения в начале XIX века, М. 1929, стр. 101—106; П. Е. Щеголев. Владимир Раевский (первый декабрист), в книге его „Декабристы“, 1926, стр. 26 и сл.

всюду, где собирались члены общества и когда они бывали друг у друга и на обедах у генерала Орлова".¹

Знавший Орлова еще по Петербургу, по „Арзамасу“, Пушкин поспешил возобновить с ним знакомство. 21 сентября он приехал в Кишинев, а 23 сентября уже обедал у Орлова и там познакомился с Липранди.² Таким образом, он сразу же попал в самый центр кишиневской революционной ячейки. Характерна программа записок, набросанная Пушкиным осенью 1833 г.: „Кишинев. — Приезд мой из Кавказу и Крыму — Орлов — Ипсиланти — Каменка — Греческая революция — Липранди...“ Такова цепь событий и знакомств, твердо запечатлевшихся в памяти Пушкина, и сумма тех впечатлений, с которыми он в ноябре того же года отправился в Каменку. Знакомство с Украиной, в свою очередь, должно было сильно подействовать на автора „Деревни“. Сравнительно недавно ставшая жертвой крепостного права, Украина вместе с тем особенно страдала от его гнета. Чернозменная почва и близкое соседство хлебных портов побуждали помещиков к усиленной интенсификации сельского хозяйства, сопровождавшейся, конечно, чудовищной эксплуатацией украинского крепостного крестьянства. Поэтому нет ничего мудреного в том, что еще введение военных поселений вызвало именно на Украине особенно ожесточенное сопротивление, выросшее в 1819 г. до размеров внушительного мятежа, известного под названием „Чугуевского бунта“.

О Чугуевском бунте Пушкин не мог не знать еще в Петербурге. Теперь он имел случай воочию увидеть почву, на которой выросло восстание, тот железный пресс, под который попали крестьяне черноземной полосы в результате быстрого развития промышленного капитализма. Впрочем эти наблюдения были поневоле беглыми, ибо, как мы уже знаем, самая Каменка — цель путешествия Пушкина — представляла собой осколок старого отмирающего строя. Это было типичное феодално-крепостническое поместье с многоголовой дворней, с крестьянами, по старинке обрабатывавшими пашню. Волны промышленного предпринимательства и интенсификации сельского хозяйства как будто разбивались о крутые утесы, на которые взгромоздилась Каменка. За внешним блеском каменской жизни ощущалась обреченность.

Все эти внутренние противоречия, вызывавшиеся разложением крепостного хозяйства, с предельной ясностью представ перед Пушкиным, не могли не обострить тех настроений, которые он вывез еще из Петербурга. И если тогда уже в сознании его бродили мысли о необходимости насильственного изменения социального и политического строя, то теперь эти беглые, поверхностные размышления должны были вырасти в глубокое убеждение.

Надо полагать, что впервые там же, в Каменке, Пушкин услышал о восставшем л.-гв. Семеновского полка, „дружины старых усачей“, происшедшем 16—17 октября. Известие о нем привез, вероятно, тот же Якушкин, отставной семеновский офицер, поддерживавший постоянную письменную связь со своими полковыми товарищами. Событие это должно было произвести сильнейшее впечатление в Каменке, ибо оно вообще сыграло огромную роль в оформлении декабристского мировоззрения, поставив заговорщиков лицом к лицу с фактом развития массового движения. Одних оно оттолкнуло от революции, других, напротив, укрепило на революционных путях. Характерно и то, что на Московском съезде (на который собеседники Пушкина поехали прямо из Каменки) решено было

¹ Щеголев, назв. с. ч., стр. 27.

² „Русский Архив“, 1866, стр. 1263.

„действовать на войска и готовить их на всякий случай“. Именно Семеновское восстание вплотную поставило перед декабристами вопрос о роли армии в революции, и потом этот вопрос уже никогда не сходил с обсуждения.

В этой напряженной политической атмосфере Пушкин должен был особенно осторожно прислушиваться к политическим спорам, которые велись на половине Василия Давыдова.

Он, повидимому, настолько был захвачен каменскими переживаниями, что, вопреки любви своей к эпистолярному творчеству, забыл даже своих петербургских друзей. По крайней мере А. И. Тургенев жаловался 2 февраля 1821 г. кн. П. А. Вяземскому: „На сих днях Пушкин писал, наконец, сюда из какой-то киевской деревни от Давыдовых... Он пишет к Гнедичу и велит кланяться Кюхельбекеру; нас забыл.

Perdu pour ses amis, il vit pour l'univers;
Nous plerons son absence, en gérétant ses vers.

То же можно сказать и о Батюшкове; ни к кому ни слова¹.

VII

А о том, что в Каменке велись политические споры, мы имеем неопровержимые свидетельства самого Пушкина. 4 декабря он писал из Каменки Н. И. Гнедичу: „Вот уже восемь месяцев, как я веду странническую жизнь, почтенный Николай Иванович. Был я на Кавказе, в Крыму, в Молдавии и теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов, оригинальных людей, известных в нашей России, любопытных для постороннего наблюдателя. Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов. Вы поверите легко, что преданный мгновенью, мало заботился я о толках петербургских“.

Датировка письма свидетельствует о том, что оно было написано под свежим впечатлением, через несколько дней после описанного Якушкиным эпизода. Письмо это с чрезвычайной яркостью раскрывает перед нами ноябрьские настроения в Каменке. В нем знаменательно каждое слово, вплоть до подчеркнутого замечания о женщинах, имеющего в виду, конечно, то обстоятельство, что в это время женская половина Каменки мало занимала внимание поэта, потому что мы хорошо знаем, что Каменка отнюдь не была бедна женщинами.

О том, чем занимался Пушкин в Каменке, подробнее узнаем из его неоконченного стихотворного послания к В. Л. Давыдову, написанного в следующем году. Послание это еще живее вводит нас в круг каменских дискуссий.

...Когда и ты и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей,
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.

¹ Остафьевский архив под ред. В. И. Саитова, т. п., стр. 151.

Ужель надежды луч исчез?
 Но нет! — мы счастьем наладимся,
 Кровавой чашей причастимся —
 И я скажу: „Христос воскрес“.

Стихотворение это тематически перекликается с неожиданным на первый взгляд заключением цитированного выше письма к Н. И. Гнедичу: „Прощайте — нюхайте гишпанского табаку и чихайте громче, еще громче“. „Гишпанский табак“ — конечно, намек на возглавлявшееся Риего испанское восстание против короля Фердинанда VII, а *те* и *та* — неаполитанские революционеры и свобода.

Мы хорошо знаем, с каким вниманием отнеслись к революционным событиям в Испании и Италии будущие декабристы. Опыт западноевропейских военных pronunciamiento, казалось, обеспечивал возможность успеха заговорщических замыслов в России. Ближайший друг Пушкина П. Я. Чаадаев 20 марта 1820 г. так прямо и писал брату: „Еще величайшая всемирная новость... Испанская революция окончилась, король принужден был подписать конституционный акт 1812 г. Весь народ восстал, революция совершилась в три месяца, и не пролито ни капли крови. Не было никакой резни, никакого потрясения, никаких излишеств. Это прекрасный аргумент в пользу революций. Но во всем есть кое-что, очень близко нас касающееся. Сказать ли что именно? Должен ли я довериться этому листку, который может оказаться нескромным. Нет, я предпочитаю помолчать“.¹

Можно без риска ошибиться сказать в общей форме, что борьба испанцев за конституцию оказала огромное влияние на будущих декабристов, постоянно, в рассуждениях о тактике будущей революции, аргументировавших ссылками на испанские события. Характерно, что даже во время восстания Черниговского полка Сергей Муравьев ободрял офицеров рассказами о том, как „Риего проходил земли с тремястами человек и восстановил конституцию“.²

Более того. Революционные события на Западе приглушенным эхом отзывались даже в солдатских массах. Известно, например, замечание лейб-егеря Гушварова о том, что царь вынужден будет вступить за мятежных семеновцев, „а коли не вступится, то вся гвардия взбунтуется и сделает революцию. Ведь здесь не Гишпания: там бунтуют мужики и простолюдины, их можно унять, а здесь взбунтуется вся гвардия — не Гишпании чета, все подымает“.³

Вполне естественно, что и в Каменке в то время обсуждались испанские и итальянские события, и обсуждались именно применительно к России. Догадка эта объясняет внезапный переход Пушкина в его послании от неаполитанской революции к надеждам на революцию в России. Косвенным подтверждением вышесказанного служит и показание на следствии самого В. Л. Давыдова о том, что заговорщики „приводили в пример Гишпанскую революцию, как и другие подобные случаи, для подкрепления и оправдания“ своих планов.⁴

Все эти разговоры и размышления должны были приобрести еще большую остроту после получения известия о Семеновском восстании.

Таким образом, мы в общих чертах воссоздаем тематику каменских дискуссий в ноябре 1820 г. Вчитываясь после всего сказанного в цитированное письмо

¹ Будущий рядовой декабрист А. П. Беляев также вспоминал, что „революция в Испании с Риего во главе, исторгнувшая прежнюю конституцию у Фердинанда приводила в восторг таких горячих энтузиастов, какими были мы и другие“.

² П. Е. Щеголев, *Декабристы*, 1926, стр. 243.

³ Сергей Гессе, *Солдатские волнения в начале XIX века*, М. 1929, стр. 84—85.

⁴ В. И. Семевский, *Политические и общественные идеи декабристов*, СПб. 1909, стр. 244—245.

Пушкина к Гнедичу, мы не можем не обратить внимания на одну характерную особенность. Пушкин, несомненно, сознательно выделил себя самого из среды каменского общества, оставив за собой роль только „постороннего наблюдателя“. Но какой же он был посторонний наблюдатель в тесном кругу своих близких друзей и единомышленников? Нечто серьезное должно было случиться для того чтобы Пушкин ощутил свое одиночество в среде людей, с которыми его связывали и дружба и родственные убеждения.

Если теперь обратимся к лирике Пушкина этого времени, то и она заговорит новым языком. В ней мы улавливаем те же мотивы одиночества и подчеркнутого отгораживания себя от назревающих революционных событий. Оговоримся что истолковывание творчества Пушкина в плане его политической биографии — путь чрезвычайно скользкий. Но, тем не менее, позволительно предположить, что два хронологически близких стихотворения Пушкина в какой-то мере отражали каменские настроения.

Спустя месяца полтора после описанных событий Пушкин съездил с Раевскими в Киев. Там, 8 февраля, написана им элегия „Земля и море“, невольно напрашивающаяся на сопоставление с каменскими событиями. „Игралище слепой пучины“, рыбак суровый“ отверг товарищество Пушкина, и поэту поневоле предстояло остаться в стороне от бури,

Когда... волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут...

Несомненно, именно болезненное чувство поэта, оскорбленное видимым недоверием товарищей и единомышленников, научило его предпочитать буре — „гостеприимные дубравы“ и „надежную тишину“.

Демонстративное присвоение себе роли „постороннего наблюдателя“, в художественной форме выраженное в стихотворении „Земля и море“, конечно, было только своего рода канцелярской отпиской перед самим собой. Оно ни в какой мере не заполняло той душевной пустоты, которую должен был ощущать Пушкин, ближайшими друзьями вытолкнутый из своего круга. Это чувство политического одиночества, гнета революционного остракизма особенно болезненно должно было ощущаться Пушкиным по возвращении во второй половине февраля в опустевшую Каменку. 22 февраля он пишет новую элегию, чрезвычайно выразительную по своему внутреннему смыслу. Глубокий пессимизм, которым она проникнута, совершенно несвойственный Пушкину этой поры, только и может быть объяснен сопоставлением ее с каменским эпизодом

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты...
.....
Живу печальный, одинокий,^{*}
И жду: придет ли мой конец?¹

Вспомним в рассказе Якушкина: „Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой и все это была только злая шутка“.

¹ Характерно, что Пушкин не спешил напечатать оба стихотворения. Второе напечатано в декабре 1823 г., а первое — только в январе 1825 г.

VIII

Вывод напрашивается сам собой. Рассказ Якушкина заслуживает полного доверия: в Каменке в последних числах ноября 1820 г. Пушкин, совершенно уверенный в существовании тайного революционного общества, сделал еще одну решительную попытку стать его членом. Но заговорщики и на этот раз решили оставить поэта в стороне от предстоящей битвы.

Почему? На этот вопрос мы не беремся сейчас дать исчерпывающий ответ, тем более, что решать его надо не применительно к данному частному случаю, а в полном объеме: почему Пушкин, друг и единомышленник будущих декабристов, не был принят в ряды заговорщиков? Мы ограничимся пока только несколькими попутными замечаниями, ибо решение этого вопроса требует специального исследования. Но теперь же необходимо учесть еще одну интересную черточку в рассказе Якушкина, которая до сего времени ускользала от внимания исследователей.

„В последний вечер Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к тайному обществу или нет“. Заговорщики считали нужным „сбить с толку“ Раевского, видимо мало заботясь о Пушкине, который, конечно, не с меньшим напряженным любопытством, нежели Раевский, присматривался ко всему происходившему вокруг. Президентом избирается Раевский. Самая дискуссия ведется с Раевским. Раевскому Якушкин протягивает руку в знак приема его в мнимое тайное общество, очевидно, игнорируя то, что и Пушкин „с жаром доказывал всю пользу, какую бы могло принести тайное общество России“. Героем, центральной фигурой происшествия был Раевский. Вся эта сцена разыгрывалась для него. Пушкин оказался в роли статиста, в роли нечаянной жертвы комедии, не для него сыгранной.

Результат ли это несерьезного отношения заговорщиков к Пушкину? Конечно нет. Имеются десятки свидетельств глубокого интереса и внимания будущих декабристов к поэту, в художественной форме пропагандировавшему их идеи. Остается предположить, что каменские заговорщики не видели особенной нужды конспирироваться от Пушкина, потому что его судьба и его поведение располагали заговорщиков к полному доверию. Именно потому, будущие декабристы может быть, и не решались идейное свое сродство с поэтом закрепить формальным принятием его в тайное общество.

Соображение это только звучит парадоксально. В основе же его лежит чрезвычайно простая и естественная мысль. В мае 1820 г. Пушкин стал „лицом, политически неблагонадежным“. Известно, что ему грозило заточение в Соловках или ссылка в Сибирь, и только заступничество друзей свело дело к высылке в Бессарабию, на государственную службу. Но бдительное око начальства следило за каждым шагом Пушкина, ни на мгновение не выпуская его из орбиты своего внимания. Само собой разумеется, что в те времена, когда поднадзорные насчитывались единицами, ссыльный поэт весь был как на ладони у правительства.

В таких условиях принятие Пушкина в тайное общество представляло бы собой грубейшее нарушение основных требований конспирации. Привлечь его к заговору — это значило навести сыскных ищек на прямой след тайного общества. Для каменских заговорщиков, накануне московского съезда, ознаменовавшегося, как мы знаем, переходом к строительству широкого законспирированных подпольных революционных организаций, это соображение должно было представляться особенно убедительным.

Может быть, именно поэтому, именно вследствие того, что Пушкин был как бы первым из декабристов, первым глашатаем их идей и первым, понесшим за это кару, — ему не довелось формально принадлежать к тайному обществу и суждено было остаться только певцом декабристов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Ж У Р Н А Л

Я Н В А Р Ь • 1 9 3 5

1

ГОСЛИТИЗДАТ ЛЕНИНГРАД